

ТЕ, КТО ПРИХОДИТ

Книга первая: Город, который видит

Веро Эспехо

Веро Эспехо

ТЕ, КТО ПРИХОДИТ

«Автор»

2026

Эспехо В.

ТЕ, КТО ПРИХОДИТ / В. Эспехо — «Автор», 2026

В большом городе, в обычной панельной девятиэтажке, живёт женщина, которая читает карты. Её зовут Вера Николаевна. У неё есть два кота — Малыш и Варвара. Малыш большой, серый, с рыжими глазами, от которых становится неуютно. Варвара маленькая, вислоухая, появляется бесшумно и всегда знает больше, чем говорит. Они не просто коты. К Вере приходят люди — с вопросами, со страхами, с тем, что не уместается в обычные слова. Девушка, которая видит призраков. Пожилой мужчина, который искал прощения тридцать лет. Старая колода, хранящая письма мёртвых — для живых. А где-то в городе кто-то наблюдает. И коты это знают. «Те, кто приходит» — первая книга серии о двух высших существах, избравших образ котов, чтобы помогать людям найти себя. Город за городом. Эпоха за эпохой.

© Эспехо В., 2026

© Автор, 2026

Веро Эспехо

ТЕ, КТО ПРИХОДИТ

Глава 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новый адрес

Акха въехал в квартиру первым.

Это было принципиально.

Пока хозяйка Вера Николаевна возилась с замком — он всегда заедал в сырую погоду, а октябрь в этом городе был именно таким — пока лифт скрипел и ворчал, поднимая коробки, пока соседка с четвёртого этажа выглядывала в щель и делала вид, что просто проветривает — Акха уже обходил территорию.

Кухня. Коридор. Большая комната. Маленькая — та, которую Вера Николаевна называла кабинетом, хотя стола там ещё не было. Санузел — ничего интересного. Балкон — закрыт, но это временно.

Он сел посреди гостиной, обвёл взглядом голые стены, стопки коробок у двери и старый торшер, который приехал первым — как всегда — и вынес вердикт:

Слои здесь густые. Дом старый. Люди жили разные.

— Ну как? — Нуру возникла рядом бесшумно — как умеют только вислоухие кошки с абсолютным чувством времени и пространства. Переноску она, судя по всему, открыла сама. Вера Николаевна об этом ещё не знала.

— Интересно, — сказал Акха.

— Это не ответ.

— Это единственный точный ответ, который сейчас возможен.

В этот момент в дверях появилась Вера Николаевна.

— Малыш! — сказала она с облегчением измотанного человека, который наконец нашёл то, что не терял. — Как ты вышел из переноски?

Акха посмотрел на неё.

Малыш. Он носил это имя уже три года — с тех пор, как Вера Николаевна нашла их с Нуру в коробке у зоомагазина, умилилась, взяла домой и немедленно назвала семикилограммового серого кота Малышом. Это было, пожалуй, единственным решением в его долгой нелинейной жизни, которое он не мог ни предвидеть, ни предотвратить.

— Варвара, — сказала Вера Николаевна, увидев Нуру рядом. — Вы оба. Как?

Нуру — Варвара — сидела с видом существа, которое понятия не имеет, о чём речь.

Они были очень хороши в этом.

— Ладно, — сказала Вера Николаевна, ставя коробку. — Вижу, что все в порядке. Хорошо.

Малыш, — думал Акха иногда в особенно тихие ночи. — Семь с половиной килограммов. Малыш.

Нуру же, когда он об этом думал, делала вид, что спит. *Малыш ... оригинально.*

Её имя — Варвара — было, если честно, ничуть не лучше. Нуру — хранительница нитей возможного, видящая развилки судеб прежде, чем они случаются — отзывалась на «Варя» с таким достоинством, что это само по себе было отдельным искусством.

— Ты когда-нибудь скажешь ей? — спросил Акха однажды.

— Что скажу? — не открывая глаз, ответила Нуру.

— Как нас зовут на самом деле.

— Она зовёт нас так, как считает правильным, — сказала Нуру. — Это её право. —

Пауза. — И потом. Малыш — это почти смешно. Смешное — это тоже защита.

— Защита от чего?

— От лишних вопросов, — сказала Нуру. — Никто не боится кота по имени Малыш.

Акха подумал. Это было, пожалуй, мудро.

Хотя он всё равно считал, что семь с половиной килограммов — это не малыш. Это достойный вес для существа, хранящего записи о прошлом с начала времён.

Они прислушались к дому.

Дом был советской постройки — пятиэтажный, панельный, с толстыми стенами и тонкими перекрытиями, через которые слышно было всё: чей-то телевизор, чьи-то шаги, чей-то разговор на повышенных тонах, который вот-вот закончится хлопком двери.

Акха умел читать дома так, как читают старые книги — не слова, а то, что между строк. Не звуки, а то, что под ними.

Здесь жили долго. Здесь умирали. Здесь рождались. Здесь ссорились и мирились, и снова ссорились. Обычный большой дом в большом городе — плотный от чужих историй, как губка от воды.

Хорошее место для работы, — подумал он.

— Она нервничает, — сказала Нуру негромко.

— Переезд — это всегда нервно.

— Она нервничает не из-за переезда.

Акха покосился на сестру. Нуру стояла у окна — смотрела не во двор, а куда-то сквозь него, туда, где в её восприятии разворачивались нити чужих возможных жизней.

— Что за ней тянется? — спросил он.

— Пока не скажу. Рано. — Она отвернулась от окна. — Сначала пусть расставит вещи.

Люди думают правильнее, когда у них есть место для каждой вещи.

— Варвара! — донеслось из коридора. — Не лезь в коробку с картами!

Нуру медленно вышла из коробки с картами.

— Она всё видит, — заметил Акха.

— Она гадает на таро двадцать лет, — сказала Нуру. — Она многое видит. Это, собственно, поэтому мы здесь.

Вера Николаевна вошла в квартиру с коробкой под мышкой и телефоном у уха.

Ей было сорок восемь лет. Тёмные волосы с сединой, которую она не красила — не из принципа, просто некогда было думать об этом. Руки — быстрые, привычные к работе. Взгляд — тот особый взгляд, который бывает у людей, долго смотревших на чужие судьбы: немного усталый, немного знающий, и под этим — что-то очень внимательное.

— Да, мам, я уже здесь, — говорила она в телефон. — Нет, одна справлюсь. Мам, мне сорок восемь лет. — Пауза. — Коты? Коты уже внутри, я даже не поняла как.

Она покосилась на Акху.

Акха смотрел на неё с подоконника — невозмутимо, рыжими глазами, от которых становилось чуть неуютно, как будто тебя видят чуть больше, чем ты показываешь.

— Малыш, — сказала она, — не смотри на меня так.

Акха моргнул. Один раз. Медленно.

— Вот именно, — сказала Вера Николаевна и пошла за следующей коробкой.

Нуру, сидевшая на холодильнике — холодильник ещё не подключили, но это её не смущало — проводила хозяйку взглядом.

— Она говорит «не смотри на меня так» уже три года, — сказал Акха.

— Да.

— И каждый раз смотрит в ответ.

— Это значит, что она чувствует, — сказала Нуру. — Просто ещё не понимает что именно.

Коробок было много.

Большинство — книги. Потом — колоды. Их было двенадцать — разные, каждая в своём мешочке или коробочке, каждая со своей историей. Вера Николаевна расставляла их на полке с тем особым выражением, с которым расставляют не вещи, а инструменты. Или, точнее — собеседников.

Акха наблюдал.

Одна колода была старше остальных. Тёмно-синий бархатный мешочек, завязанный тесьмой. Вера Николаевна взяла её последней, подержала в руках дольше, чем остальные, и поставила отдельно — чуть в стороне, как ставят что-то важное.

Интересно, — подумал Акха.

— Малыш, — сказала Вера Николаевна не оборачиваясь, — не трогай.

Акха убрал лапу.

— Она не видела, что ты тянулся, — сказала Нуру негромко.

— Знаю.

— Тогда откуда она знала?

— Именно поэтому мы здесь, — сказал Акха. — Она чувствует.

Нуру посмотрела на старую колоду долго — своим особенным взглядом. Потом сказала:

— В этих картах что-то есть. Что-то старше неё.

— Я тоже чувствую.

— Не сегодня, — сказала Нуру. — Сначала пусть она отдохнет.

— Ты всегда говоришь «сначала пусть».

— Потому что люди — не задачи, которые нужно решать быстро, — сказала Нуру. — Они — процесс. Уважай процесс.

— Ты говоришь как инструкция к медитации.

— А ты думаешь слишком громко для существа, которое должно быть неслышимым.

Акха решил не отвечать.

Двор был обычным городским двором — асфальт, детская площадка, несколько машин, дерево у подъезда, которое явно помнило времена, когда этого дома ещё не было. На лавочке у второго подъезда сидели две женщины.

Акха смотрел на них с подоконника.

Нуру запрыгнула рядом.

— Та, что справа, — сказала она тихо. — Придёт. Не сегодня. Через несколько дней.

— Что несёт?

— Много. — Нуру прищурилась. — Но есть одна нить, которая светлее остальных. Ей нужно только решиться пойти по ней.

— Это всегда так.

— Да, — согласилась Нуру. — Это всегда так.

Акха посмотрел на женщину справа. Лет сорок, светлые волосы, держит кофе обеими руками, хотя он давно остыл. Что-то в ней — в том, как она сидит, чуть ссутулившись — говорило о человеке, который давно носит что-то и уже устал нести, но не знает, куда положить.

Понятно.

— Варвара, — сказал он.

— Что?

— Ничего. Просто проверял, отзываешься ли.

Нуру посмотрела на него с выражением, которое у людей называлось бы укоризненным.

— Я всегда отзываюсь, — сказала она. — Это вежливость. Не путай с согласием.

Вечером, когда коробки были более или менее разобраны, Вера Николаевна сделала чай и села за стол.

Перед ней лежала та самая колода — тёмно-синий мешочек. Она не открывала его. Просто держала руки рядом — не касаясь, просто рядом.

Это был её ритуал. Акха знал это уже — за три года, что они были вместе. Когда она переезжала или начинала что-то новое — сначала просто сидела рядом с этой колодой. Не спрашивала ничего. Просто давала себе почувствовать — вот я здесь. Вот новое место. Посмотрим.

Акха слез с подоконника и прошёл через комнату — неторопливо, с расстановкой. Запрыгнул на стол. Сел рядом с мешочком.

Вера Николаевна посмотрела на него.

— Ты всегда так делаешь, — сказала она. — Садись рядом именно в этот момент.

Акха смотрел на неё рыжими глазами. Не мигал.

— Иногда я думаю, — сказала она тихо — себе, не ему, хотя он слушал, — что вы не просто коты.

Акха моргнул. Один раз.

Вера Николаевна усмехнулась — немного устало, немного тепло.

— Ладно, Малыш, — сказала она. — Не просто коты. Договорились.

С холодильника донёлся тихий звук — Нуру перебиралась поудобнее.

— Варвара тоже согласна, — добавила Вера Николаевна.

— Мяу, — сказала Нуру. Что в переводе означало примерно: *я не давала согласия, я просто переворачивалась на другой бок, но пусть думает, что я подтвердила.*

— Новый дом, — сказала Вера Николаевна, беря кружку. — Новые люди. Посмотрим, кто придёт.

За окном шёл мелкий городской дождь.

Той же ночью, глубоко за полночь, когда Вера Николаевна уснула с книгой на груди и свет в комнате остался гореть — Акха и Нуру сидели на кухне.

Не просто сидели.

Акха смотрел в стену — и стена для него была не стеной, а слоями. Времени, людей, историй. Тишина → запах старой бумаги, воска и грозы → слои проявляются как фотографии в проявочной ванне. Медленно. Отчётливо.

Он видел их всех — тех, кто жил здесь до. Пожилая женщина, которая растила здесь детей. Молодой мужчина, который уехал и не вернулся. Семья, которая ссорилась по пятницам и мирилась по воскресеньям.

— Что видишь? — спросила Нуру.

— Много, — сказал Акха. — Дом живой. Здесь долго любили и долго болели. Здесь умирали не в одиночестве — это важно. — Он помолчал. — И ещё. На третьем этаже — прямо над нами — живёт человек, которому очень плохо. Давно. Он не знает, что просит о помощи, но просит.

— Я вижу его нити, — сказала Нуру. — Запутались. Давно. Сам не распутает.

— К Вере придёт?

— Нет. — Нуру чуть прищурилась. — Не придёт сам. Но мы можем создать условие.

— Какое?

— Пока не знаю. — Она зевнула — изящно, аккуратно, как зевают существа, которым достоинство важнее всего остального. — Завтра. Сначала пусть она проснётся в новом доме и поймёт, что здесь хорошо.

— Ты всегда думаешь о людях в правильном порядке.

— Кто-то должен, — сказала Нуру. — Ты думаешь о слоях. Я думаю о том, что будет.

— Мы дополняем друг друга.

— Ты весишь семь с половиной килограммов, — сказала Нуру. — Я вешу четыре с половиной. Ты хранишь прошлое. Прошлого больше. Это логично.

Акха помолчал.

— Это была шутка про вес.

— Это была точная характеристика, — сказала Нуру. — Шутка — это когда неточно.

За окном шёл дождь — тихий, городской, равнодушный ко всем и каждому.

Но в квартире на восьмом этаже было тепло.

Новый адрес. Новые люди. Двойные имена — одни для хозяйки, другие для всего остального.

Работаем, — подумал Акха.

Уже, — подумала Нуру.

Она всегда думала на полшага быстрее.

Продолжение следует...